

На следующий день, до полудня.

Резиденция семьи Линь была окутана гнетущей и странно зловещей атмосферой.

У слуг и членов семьи, погрузившихся в «счастливый сон», по-прежнему были застывшие лица с натянутыми улыбками.

Они бесцельно «праздновали» в царстве призраков, из-за чего пустой двор в его центре казался еще более пустынным и унылым.

У колодца был установлен ритуальный алтарь.

Членов семьи Линь насильно «пригласили» на место и аккуратно уложили на землю перед алтарем.

Юнь Цин, одетый в простую даосскую мантию, с надежно завязанными волосами, стоял перед алтарем с мечом в руках из персикового дерева.

В отличие от обычных ритуальных алтарей, Юнь Цин не использовал много желтых бумажных талисманов или киноварной краски.

Вместо этого он расставил восемь простых белых фонарей вокруг шпильки для волос в форме магнолии в соответствии с восемью триграммами.

На фонарях киноварью были написаны иероглифы-талисманы, успокаивающие душу и очищающие от скверны.

На земле серебряным порошком был очерчен огромный сложный магический круг, мерцающий холодным светом под палящим солнцем.

Линии круга тянулись вдаль.

Аккуратно вписав сухой колодец в общую картину.

Не было ни шумных гонгов, ни барабанов, ни летающих денег, только почти священная торжественность.

Су Чэнь, Гуань Янь и Цзиньбао стояли в пределах защитного барьера за алтарем, сосредоточенно затаив дыхание.

— «Время пришло».

Юнь Цин поднял голову, его обычная игривая и ленивая манера поведения полностью исчезла. Его взгляд, острый, как молния, устремился прямо к устью колодца.

Его левая рука сложила пальцы в магическую печать, а правая, держащая меч из персикового дерева, провела в воздухе линию.

Из кончика меча вырвался ослепительный золотой луч, и зазвучало низкое песнопение заклинания.

Сначала оно было похоже на журчание ручья, но постепенно превратилось в бурный поток:

— «По велению Высшего, да обретете вы покой, одинокие души; все призраки и демоны,

обретут благодать в четырех формах бытия...»

По мере произнесения заклинания серебряный магический круг на земле начал слой за слоем светиться мягким белым светом.

Восемь простых белых фонарей начали медленно вращаться сами по себе, без ветра.

Кроваво-красные талисманы на фонарях словно ожили и засияли слабым золотистым светом.

Волна мирной, праведной энергии распространилась от ритуального алтаря, начав бороться с окружающей его алой призрачной территорией царства призраков "радости и скорби".

На мгновение в колодце воцарилась тишина.

Затем еще более яростная темно-красная волна негодования взметнулась ввысь!

На этот раз дело было не только в ауре.

Нарастающее чувство обиды безумно извивалось и сгущалось в воздухе, постепенно обретая отчетливую форму —

...Фигура женщины в рваной одежде, зависшая над устьем колодца.

Ее длинные волосы ниспадали водопадом, но были сухими и спутанными и закрывали большую часть лица.

Видны были только бледный острый подбородок и пара... «глаз», которые были полны не чем иным, как кроваво-красным пламенем ненависти!

Ледящий душу холод энергии Инь и ненависти, словно осязаемые волны, обрушивались на него слой за слоем.

Яростно сталкиваясь с белым светом, излучаемым массивом, они издавали шипящий звук.

Появилась истинная форма Радостного Траурного Призрака!

От ужасающего давления у Су Чэня перехватило дыхание.

У Гуань Яня подкосились ноги, и он едва мог стоять.

Цзиньбао, однако, выглядел взволнованным. Он не сводил глаз с призрака и постоянно сглатывал выступившую слюну.

Юнь Цин стоял в самом эпицентре давления. Его даосские одеяния сильно развевались от невидимых порывов ветра, но его поза была незыблемой, как скала.

Его монотонный голос внезапно стал выше, когда он начал произносить заклинание.

Казалось, каждое слово обладало огромной силой, пытаясь пересилить всепоглощающую обиду:

— «Те, у кого есть головы, возвысятся. Те, у кого нет голов, обретут перерождение».

— «Убитые копьем или мечом, утопленные или повешенные...»

Линь Юньян издала беззвучный пронзительный крик, ее кроваво-красные «глаза» не отрываясь смотрели на Юнь Цина.

Из ее рукавов вырвались бесчисленные алые ленты, сотканые из злобы, и яростно, хлестая, устремились в сторону Юнь Цина и алтаря!

— «Смерть явная или тайная — гибель от несправедливости и оскорбления».

— «Взыскатели долгов, враги, мстители, духи, жаждущие жизни...»

Юнь Цин двигался по звездной траектории, его тело ловко маневрировало в ограниченном пространстве алтаря.

Меч из персикового дерева в его руке словно танцевал, оставляя за собой золотые отблески, точно рубя, парируя, парируя и нанося удары.

Он рассекал и рассеивал ленты обиды одну за другой.

Золотой свет меча и алая ярость ненависти непрерывно сталкивались и уничтожались, вспыхивая ослепительными ореолами.

Вены на его висках вздулись, а лицо с каждой секундой становилось все бледнее и бледнее.

Но звук песнопения его заклинания не прерывался.

У Су Чэня сердце было готово выпрыгнуть из груди.

Он никогда не видел Юнь Цина таким... напряженным и в то же время таким ослепительно сияющим.

Эта лазурно-синяя фигура, извивающаяся и танцующая среди алого пламени, с мечом в руке и песнопениями, была необъяснимо запечатлена в его памяти.

Заклинание достигло самого важного момента.

Техника владения мечом Юнь Цина сменилась с оборонительной на наступательную, острие указывало прямо на Линь Юньян:

— «Встаньте на колени перед моим алтарем, Восемь Триграмм излучающие яркий свет; да очиститесь и уйдете вы, и переродившись в другом мире...»

Он сделал глубокий вдох и раскрыл правду, которая была сокрыта столетие:

— «Линь Юньян, родившаяся в год Гэнчэнь, вышедшая замуж за Сюй Вэньяня».

— «Дело не в то что она, стыдясь того, что не родила сына, утопилась в колодеце!»

— «На самом деле ее убил муж! Он вступил в сговор со своей любовницей, отравил ее и бросил тело в колодец!»

— «Более того, он подделал документы, клеветал на неё, из-за чего её репутация была запятнана даже после смерти, а её обида тлела столетие!»

— «Оклеветанная — своим — мужем!»

— «Очернившим — твое — имя!»

— «Это — твоя — несправедливость!!!»

Эти последние слова Юнь Цин практически выкрикнул.

— «Аааа!!!!»

В тот самый момент, когда слетели с его губ слова: «Убита своим мужем, опорочивший твое имя»...

Призрак Радостного Траура, Линь Юньян, внезапно откинула голову назад и издала душераздирающий, пронзительный вопль!

В этом вопле было столетие насильственно подавляемых обид, агонии, предательства и ненависти.

Он извергся, как вулкан!

Все призрачное царство задрожало.

Темно-красный свет бешено мерцал, а из глубин сухого колодца доносился булькающий, гулкий звук.

Мутная, дурно пахнущая вода забурлила и хлынула фонтаном, переливаясь через край!

В воде мелькали бесчисленные бледные костлявые руки и тени скелетов, словно еще больше погребенных грехов пытались прорваться на поверхность!

Восемь фонарей, окружавших алтарь, бешено раскачивались, их свет беспорядочно мерцал.

Свечение серебряного магического массива также сильно колебалось под натиском бушующей злобы и негодования.

Юнь Цин, принявший на себя основной удар, сильно дрожал. С тихим «пффф» из уголка его рта неожиданно хлынула кровь.

— «Юнь Цин!»

Су Чэнь в ужасе вскрикнул и инстинктивно хотел броситься к нему, но его крепко держали Цзиньбао, Гуань Янь и барьер.

Юнь Цин, казалось, не замечал собственной травмы.

Он даже не вытер кровь с губ. Он просто с силой вонзил свой меч из персикового дерева в землю.

Меч глубоко вонзился в серебряные линии магического массива. Опираясь на него, он выпрямился.

Его лицо побледнело, взгляд был прикован к мстительному духу, который обезумел от осознания правды.

Вместо того чтобы отступить, он, столкнувшись с непреодолимым давлением обиды и

негодования, снова заговорил:

— «Сегодня я, Юнь Цин, призываю Дао в свидетели и свою кровь в проводники, чтобы... очистить... твое... имя!»

Он сунул руку за пазуху, достал «документ с признанием» и развернул его в воздухе на показ.

Одновременно его левая рука сформировала магическую печать, указывающую на шпильку для волос в виде магнолии в центре алтаря.

Нефритовая заколка слегка задрожала сама по себе, издав тихий гул.

На заколке начал слабо проступать образ Линь Юньян, какой она была при жизни.

Бушующий призрак Радостного Траура внезапно застыла.

Ее кроваво-красный «взгляд» безучастно обратился к едва различимому образу девушки на заколке.

Затем она взглянула на документ в руке Юнь Цина, символизирующий вековое пятно на ее репутации.

Казалось, что всепоглощающая обида на мгновение ослабла.

Юнь Цин бросил поддельный документ в сгусток золотого пламени, которое необъяснимым образом вспыхнуло в центре алтаря.

В тот момент, когда пламя коснулось документа, раздался взрыв, но не было даже запаха горящей бумаги.

Вместо этого документ вспыхнул, превратившись в сгусток чистого белого пламени!

Это пламя было теплым, ярким, словно оно могло очистить от всей скверны и несправедливости.

Освещенный раскаленным белым пламенем, едва различимый образ девушки на шпильке становился все четче и четче.

Она смотрела, как документ, порочащий ее имя, превращается в пепел в огне, и свирепое, полное боли негодование на ее лице постепенно угасало...

Мутная вода, бурлившая в колодец, постепенно успокоилась, и ужасающая фигура призрака Радостного Траура тоже начала преображаться.

Рваное свадебное платье словно разгладили невидимые руки, вернув ему яркий цвет.

Увядавшие длинные волосы стали мягкими и угольно-черными.

Кроваво-красные, похожие на языки пламени глаза медленно утратили свой алый оттенок, обнажив пару прозрачных зрачков, наполненных печалью.

Бледные, заострившиеся щеки вновь обрели прежнюю белизну и легкий румянец, как при жизни.

Всего за несколько вздохов ледящий душу призрак Радостного Траура исчез.

На его месте появился неземной, прекрасный и нежный дух — душа Линь Юньян.

Линь Юньян медленно опустилась, ступая босыми ногами по серебристому свету магического массива.

Она посмотрела на Юнь Цина и, наконец, перевела взгляд на свои руки, которые снова стали чистыми.

Она заговорила тихо, ее голос больше не был пронзительным, в нем слышались облегчение и меланхолия:

— «Даосский мастер... мое имя... теперь очищено?»

Юнь Цин медленно убрал свой персиковый меч, вытер кровь с уголка рта и уверенно кивнул:

— «Сегодня имя Линь Юньян очищено и оправдано».

— «Злые деяния Сюй Вэньяня и Лю Инъэр засвидетельствованы небом и землей и занесены в книгу кармы».

— «Твоя невиновность восстановлена».

Услышав это, Линь Юньян закрыла глаза, и две призрачные слезы беззвучно покатались по ее щекам.

Когда она снова открыла глаза, печаль осталась, но едкая обида исчезла.

Она изящно поклонилась Юнь Цину.

Затем ее фигура, освещенная белым светом магического массива и отблесками раскаленного белого пламени, начала становиться прозрачной и исчезать.

Темно-красное призрачное царство, окутавшие резиденцию семьи Линь, тоже быстро рассеялись.

Жуткие улыбки на лицах застывших «празднующих» слуг исчезли, и они погрузились в настоящий сон.

Су Чэнь глубоко вздохнул с облегчением.

Только тогда он понял, что его ногти впились в ладонь, оставив глубокие следы на ладонях.

Он посмотрел на даоса в лазурно-синих одеждах, стоявшего в центре алтаря.

Этот шарлатан... возможно, он действительно был не просто шарлатаном.

Юнь Цин сделал глубокий вдох, его фигура пошатнулась.

Су Чэнь инстинктивно и быстро шагнул вперед, чтобы поддержать его.

Юнь Цин прислонился к его плечу и слабо улыбнулся: «Бог богатства, на этот раз...мне действительно нужна твоя поддержка».

— «Я вот-вот... упаду в обморок».

Су Чэнь напрягся, позволив ему опереться на себя. Спустя долгое мгновение он тихо произнес: «М-м-м».

.....

После ритуала жизнь в резиденции семьи Линь вернулась в привычное русло.

Линь Муян очнулся через три дня. Он был слаб, но в сознании.

Вся семья Линь горячо благодарила Юнь Цина. Как и обещал, господин Линь преподнёс Юнь Цин половину состояния семьи Линь в качестве щедрого вознаграждения.

Юнь Цин без колебаний приняла деньги и даже нарочито подняла бровь, глядя на Су Чэня.

Су Чэнь: «...»

— «Может, перестанешь всё время пялиться на деньги?»

Юнь Цин лучезарно улыбнулась ему: «А на что мне ещё пялиться? На тебя?»

Су Чэнь: «...Забудь, что я сказал».

Гуань Янь отступил назад, молча глядя в небо.

Цзиньбао, однако, лежал на плече Юнь Цин и болтал ножками. Он поднял голову и прошептал:

— «Отец, неужели мы с папой скоро станете одной семьей?»

В зале мгновенно воцарилась тишина.

Юнь Цин посмотрел на Су Чэня, с трудом сдерживая смех.

Щеки Су Чэня в мгновение ока вспыхнули ярким румянцем. Он быстро протянул руку, чтобы закрыть рот Цзиньбао: «...Дети не должны нести чушь!»

Юнь Цин медленно произнес: «Это не просто детская болтовня».

Су Чэнь яростно уставился на него.

Юнь Цин внезапно наклонился так близко, что они могли чувствовать дыхание друг друга. «Бог богатства, просто подумай об этом!»

— «Я действительно умею зарабатывать деньги и обеспечивать семью!»

Су Чэнь: «...Проваливай».

— «Ладно, понял».

Ах ты неблагодарный ублюдок, ты так быстро отбрасываешь человека, когда он уже выполнил свою задачу.

Юнь Цин с готовностью согласился и снова сел откинувшись на спинку стула, но не мог скрыть улыбку на лице.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18124/2087828>